Сэндитон

Автор:
Джейн Остен

Сэндитон

Джейн Остен

Неоконченный роман, написанный Остен в 1817-м, повествует о поездке Шарлоты Хэйвуд в прибрежную деревушку Сэндитон, недавно основанную как морской курорт, и разных забавных и неприятных персонажах, встреченных там ею. Роман о столкновении патриархального уклада с тем, что впоследствии стали называть «прогрессом».

Джейн Остен

Сэндитон

ГЛАВА 1

Джентльмену и даме, ехавшим из Танбриджа к той части побережья Суссекса, что лежит между Гастингсом и Истборном, пришлось, следуя своему намерению, свернуть с проезжего пути, но, когда они попытались, взбираясь по неровной, местами песчаной, местами каменистой дороге, одолеть крутой склон, их карета перевернулась. Произошло это неподалеку от стоявшей у дороги усадьбы, к которой поначалу и направился кучер, полагая целью путешествия именно ее. К большому своему неудовольствию, он принужден был проехать мимо. Кучер что-то пробурчал себе под нос, выразительно пожал плечами – словом, всем своим видом дал понять, что дальше под силу проехать лишь телеге, – и, жалея лошадей, так крепко при этом вытянул их кнутом, что можно было бы

заподозрить его в преднамеренном умысле опрокинуть карету (тем более она не принадлежала его хозяину), не сделайся дорога сразу за упомянутой усадьбой и впрямь заметно хуже.

Если бы карета не двигалась так медленно, а дорога не была такой узкой, последствия падения могли бы оказаться серьезнее; с трудом выбравшись из кареты, джентльмен помог выйти своей спутнице, и поначалу они не ощутили ничего, кроме испуга и боли от ушибов. Поздравив себя и жену со счастливым избавлением, он принялся выговаривать кучеру, но вскоре из-за резкой боли почувствовал необходимость прервать свои сетования и присесть на землю – вылезая из кареты, джентльмен подвернул лодыжку.

– Я себе что-то повредил, – сказал он, указывая на лодыжку. – Но не волнуйся, дорогая, – он взглянул на нее с улыбкой, – хорошо, что это случилось именно здесь. Нет худа без добра. Лучшего нельзя и желать. Скоро нам окажут помощь. Вон там, я полагаю, меня вылечат. – И он указал на аккуратный флигель, романтично выглядывавший из-за деревьев на вершине холма. – Похоже, это именно то, что мы искали.

Его жена горячо надеялась, что это так, и тем не менее, испуганная и встревоженная, продолжала с беспомощным видом, не двигаясь, стоять на месте. Однако происшествие было замечено с примыкающего к усадьбе покоса, и вскоре она с облегчением увидела, что к ним направляются несколько человек. Это был приятной наружности крепкий джентльмен средних лет, владелец имения, случайно оказавшийся в тот момент у косарей, которых он и попросил сопровождать его, а следом за ними все, кто был занят на сенокосе, – мужчины, женщины и дети. Мистер Хейвуд – таково было имя владельца, – приблизившись к путникам, приветствовал их с чрезвычайной учтивостью. Он был весьма обеспокоен происшествием, слегка удивлен, что кто-то решился подняться по склону в карете, и преисполнен готовности оказать необходимую помощь. В ответ прозвучали самые вежливые изъявления благодарности, и в то время как один или двое косарей помогали кучеру поднять карету, путешественник произнес:

– Вы необыкновенно любезны, сэр, и я ловлю вас на слове. Мне представляется, что с ногой у меня ничего серьезного, однако в подобных случаях всегда лучше тут же, не мешкая, спросить совета лекаря, а так как дорога не кажется мне подходящей для того, чтобы в своем теперешнем состоянии я мог самостоятельно добраться до его дома, я был бы весьма признателен, если бы

вы отправили за ним кого-нибудь из этих молодцов.

– За лекарем, сэр! – повторил мистер Хейвуд. – Боюсь, вы не найдете поблизости никакого лекаря, однако осмелюсь утверждать, что мы отлично справимся и без него.

– Но, сэр, если лекаря сейчас нет на месте, его помощник справится с моей ногой не хуже – если не лучше. Я бы охотнее увиделся с его помощником, вот именно, я предпочел бы иметь дело с ним. Могу поручиться, что любой из этих молодцов приведет его сюда через три минуты. Мне нет нужды спрашивать, тот ли это дом, – он поглядел в сторону коттеджа, – поскольку, кроме вашего дома, мы не видели здесь ни одного другого, в котором мог бы жить джентльмен.

Мистер Хейвуд посмотрел на него с большим удивлением:

– Как, сэр! Вы думаете найти в этом коттедже лекаря? Уверяю вас, в нашем приходе нет ни лекаря, ни его помощника, уверяю вас.

– Извините меня, сэр, – возразил его собеседник. – Мне очень жаль, что я произвожу впечатление упрямого спорщика. Вероятно, ввиду того, что приход ваш столь обширен, или по какой-либо другой причине вы можете не знать… погодите… Неужели я ошибся? Разве это не Уиллингден?

– Да, сэр, это действительно Уиллингден.

– В таком случае я могу представить доказательство того, что в вашем приходе есть лекарь – знаете вы об этом или нет. Вот, сэр, – он вытащил записную книжку, – если вы будете так любезны и взглянете на объявления, которые не далее как вчера утром в Лондоне я собственноручно вырезал из «Морнинг пост» и «Кентиш газетт», думаю, вы убедитесь в том, что у меня есть веские основания так утверждать. Вы найдете здесь объявление лекаря о расторжении договора с вашим приходом; вот видите: обширная практика – безупречная репутация – солидные рекомендации – желание заняться собственным делом. Вот оно здесь во всех подробностях, сэр. – И путешественник протянул две небольшие продолговатые вырезки.

– Сэр, – ответил мистер Хейвуд с добродушной улыбкой, – да покажи вы мне все газеты в королевстве за неделю, вам не убедить меня в том, что в Уиллингдене

есть лекарь. Полагаю, что, живя здесь со дня рождения, все свои пятьдесят семь лет, я бы наверняка знал о таком человеке или, по крайней мере, мог бы со всей решимостью утверждать, что у него нет обширной практики. Разумеется, если бы джентльмены часто пытались проехать по этой тропинке в почтовой карете, лекарю имело бы смысл селиться на вершине холма. А что касается этого коттеджа – да-да, издалека он действительно выглядит нарядно, – то, заверяю вас, сэр, как и у любого другого дома в нашем приходе, у него все тот же владелец: в одном его флигеле живет мой пастух, а в другом нашли приют три старухи.

Произнеся это, он взял газетные вырезки и, проглядев их, добавил:

– Мне кажется, я сумею объяснить вам, в чем тут дело, сэр. Произошла ошибка. В этой местности два Уиллингдена, и ваши объявления относятся к другому, Большому Уиллингдену, который иначе зовется Уиллингден-Эбботс и лежит в семи милях отсюда, по ту сторону Бэттла – ниже Уилда. А мы, сэр, – в его голосе прозвучала гордость, – живем выше.

– Вот именно, выше, сэр, – любезно подтвердил путешественник. – Мы полчаса взбирались на этот холм. Должен признать, все так, как вы говорите, а я допустил досадную ошибку. Всему причиной спешка и суета, какие всегда бывают во время кратких посещений Лондона. Объявления попались мне на глаза за полчаса до отъезда. Разве можно сделать что-нибудь толковое, когда карета у ворот? Пришлось ограничиться беглым просмотром, и, обнаружив, что мы проезжаем в миле-другой от Уиллингдена, больше я ничего не уточнял. Дорогая, – обратился он к жене, – мне очень жаль, что я навлек на тебя такие неприятности. О моей ноге не беспокойся, когда я не двигаюсь, у меня ничего не болит. А поскольку ваши слуги подняли карету, нам лучше всего снова выбраться на проезжую дорогу и ехать в Хейлшем, а оттуда домой, оставив дальнейшие попытки. От Хейлшема мы доберемся до дома часа за два, а ты ведь знаешь, как только мы приедем, лекарство окажется у нас под рукой. Глоток бодрящего морского воздуха мигом поставит меня на ноги. Поверь мне, море – лучший целитель. Соленый воздух и морская вода – вот все, что мне надо.

Тут самым дружеским образом вмешался мистер Хейвуд. Он принялся уговаривать путешественников отложить поездку до тех пор, пока лодыжку не осмотрят, а сами они не отдохнут, радушно пригласив воспользоваться для этих целей его домом.

– У нас всегда найдутся, – сказал он, – всевозможные простые средства от растяжений и ушибов, к тому же, ручаюсь, моя жена и дочери будут рады услужить вам и вашей жене всеми доступными им способами.

Острая боль при попытке шевельнуть ногой заставила путешественника серьезнее оценить преимущества немедленной помощи и, обратившись к жене со словами: «Что ж, моя дорогая, я думаю, так для нас будет лучше», он возобновил разговор с мистером Хейвудом:

– Прежде чем воспользоваться вашим гостеприимством, сэр, и для того, чтобы рассеять неблагоприятное впечатление, которое могло создаться из-за моей погони за химерами, разрешите представиться. Моя фамилия Паркер – мистер Паркер из Сэндитона; эта дама – моя жена, миссис Паркер. Мы возвращаемся домой из Лондона. И хотя наш род не первый день владеет земельными угодьями в сэндитонском приходе, на таком удалении от побережья вы вряд ли могли слышать обо мне, но что касается Сэндитона – о нем слышал каждый: этот небольшой городок с благодатной природой – новый морской курорт, несомненно, лучший на побережье Суссекса, обещающий стать в высшей степени популярным.

– Да, мне доводилось слышать о Сэндитоне, – отвечал мистер Хейвуд. – Раз в пять лет обязательно услышишь об очередных новых курортах, которые вдруг появляются на побережье и становятся модными. Ума не приложу, как можно заполнить их, хотя бы наполовину! Откуда взять столько людей с деньгами и свободным временем? Для страны это скверно: продукты дорожают, а бедняки превращаются в нищих – в чем, позволю себе заметить, вы убедитесь сами, сэр.

– Вовсе нет, сэр, вовсе нет, – с горячностью возразил мистер Паркер. – Уверяю вас, как раз наоборот. Это мнение распространенное, но ошибочное. Возможно, оно уместно в отношении больших, чрезмерно разросшихся курортов, как Брайтон, или Уортинг, или Истборн. Но не Сэндитона, маленького городка, скромные размеры которого ограждают его от всевозможных зол цивилизации. Процветание же его – возведение домов, детских площадок, словом, устройство надежного места отдыха для самого лучшего общества, добропорядочных семейств, родовитых и достойных, которые украсят собой любой курорт, – все это позволит беднякам трудиться, принесет им благополучие и всячески улучшит их жизнь. Нет, сэр, заверяю вас, Сэндитон не таков…

– Я ничего не имею против какого-то конкретного курорта, сэр, – ответил мистер Хейвуд. – Я лишь считаю, что на нашем побережье их уже предостаточно. Но может быть, нам лучше попробовать доставить вас…

– На побережье курортов предостаточно, – повторил мистер Паркер. – Возможно, в этом мы с вами не слишком расходимся. По крайней мере, их хватает, больше и не требуется. На любой вкус и на любой доход. А те, кто пытается прибавить к ним еще один, по-моему, поступают безрассудно и вскоре окажутся жертвой собственных ложных расчетов. Но другого такого места, как Сэндитон, просто нет. Он отмечен самой природой: чистейший, свежайший морской ветер с берега – это общепризнано! – превосходное купание, дивный песчаный пляж, уже в десяти ярдах от берега – настоящая глубина, ни ила, ни водорослей, ни осклизлых камней. Подобного места, на которое сама природа указала бы как на спасительное средство для больных, больше нет – тысячи людей нуждаются в таком курорте. И от Лондона недалеко, ровно на целую милю ближе, чем Истборн. Вы только представьте себе, сэр, каковы преимущества экономии целой мили в длительном путешествии!

А Бриншор, сэр, который, можно сказать, у вас перед глазами: в прошлом году два-три дельца пытались вдохнуть жизнь в этот жалкий городишко, расположенный между стоячими болотами, мрачной, поросшей мхом топью и кучами гниющих морских водорослей, источающих зловоние, но, уверяю вас, их попытки ни к чему не приведут. Что можно сказать в пользу Бриншора – если вы придерживаетесь здравого смысла? Самый нездоровый воздух, поистине отвратительные дороги, дурного качества вода – на три мили вокруг невозможно получить чашку хорошего чая, – а почва там настолько бедна и безжизненна, что на ней и капусты не вырастить. Уверяю вас, сэр, я описал Бриншор, ни в малейшей степени не сгустив краски, и если вы слышали о нем что-нибудь иное…

– Сэр, я вообще ничего о нем не слышал, – сказал мистер Хейвуд. – Даже не подозревал, что на свете есть такое место.

– Не слышали! Вот, дорогая, – с торжеством обратился он к жене, – видишь, как обстоят дела. Такова хваленая известность Бриншора! Этот джентльмен и не подозревал, что на свете есть такое место. В самом деле, сэр, по-моему, к Бриншору можно приложить строку из стихотворения Каупера о благочестивой крестьянке, про которую, в противоположность блистательному Вольтеру, «не слыхивал никто от дома в полумиле»[1 - В стихотворении «Истина» (1782) У.

Каупер восхваляет благочестие бедной селянки, которая, хоть о ней и «не слыхивал никто от дома в полумиле», владеет истиной, открывшейся ей через чтение Библии, – в отличие от «блистательного француза», имя которого будет «восславлено в грядущих веках».].

– Ради бога, сэр, прилагайте любое стихотворение, какое вам заблагорассудится, но мне бы хотелось увидеть, как что-нибудь приложат к вашей ноге, и, судя по выражению лица вашей жены, она совершенно со мной согласна и думает, что нам не следует терять ни минуты. А вот и мои дочери, желающие засвидетельствовать вам почтение от своего имени и от имени своей матери. – Видно было, как из дома вышло несколько молодых женщин в сопровождении служанок. – Все это время мне было странно, что они до сих пор не заметили нашей суеты. В такой глуши, как здешняя, подобные происшествия немедленно вызывают всеобщее оживление. Теперь, сэр, давайте подумаем, как лучше доставить вас в дом.

Молодые дамы приблизились и самым радушным образом подтвердили приглашение отца, рассеяв тем самым опасения путешественников, что они могут показаться назойливыми. И поскольку миссис Паркер мечтала об отдыхе, а ее муж к тому времени нуждался в нем не меньше, то их последние колебания исчезли, тем более что в карете, к тому моменту поднятой, обнаружилось повреждение, так что о том, чтобы ехать немедленно, не приходилось и думать. Поэтому мистера Паркера препроводили в дом, а карету откатили в свободный сарай.

ГЛАВА 2

Знакомство, завязавшееся таким странным образом, оказалось продолжительным и имело важные последствия. Путешественникам пришлось задержаться в Уиллингдене на целых две недели: растяжение лодыжки у мистера Паркера было довольно серьезным и не позволило им уехать раньше. Впрочем, он попал в надежные руки. Хейвуды были весьма почтенным семейством, и неожиданным гостям было оказано в их доме максимум внимания. О мистере Паркере заботились, за ним ухаживали, миссис Паркер с бесконечной добротой опекали и подбадривали; дружелюбие и расположение одной стороны вызвало живую признательность другой, тех и других отличали любезные

манеры, словом, за эти две недели и гости и хозяева чрезвычайно друг другу понравились.

Очень скоро стал ясен характер мистера Паркера, а также история его увлечения. Он охотно рассказывал о себе, поскольку был человеком откровенным, и, даже если не всегда изъяснялся ясно, из разговора с ним, насколько могли заметить Хейвуды, можно было почерпнуть много самых разнообразных сведений. Мистер Паркер показался им человеком восторженным, а в том, что касалось Сэндитона, – восторженным вдвойне. Сэндитон, успех Сэндитона как небольшого модного курорта, казалось, сделался целью его жизни. Несколько лет назад это был тихий, непритязательный городок; но ряд природных преимуществ его местоположения и ряд случайных обстоятельств подсказали мистеру Паркеру и еще одному землевладельцу возможность весьма выгодного вложения средств. Этим они и занялись: планировали и строили, расхваливали и рекламировали, и создали завоевавший известность курорт, так что теперь мистер Паркер едва ли мог думать о чем-либо ином.

Факты, которые он сообщил своим хозяевам, были таковы: ему около тридцати пяти, он женат – и весьма счастливо – уже семь лет, дома их дожидаются четверо славных ребятишек; он из почтенного семейства, состоятелен, хотя и не богат; профессии не имеет, по праву старшего сына унаследовал собственность, которую копили и сберегали несколько предыдущих поколений; у него два брата и две сестры – люди обеспеченные и одинокие – старший из братьев, благодаря полученному по боковой линии наследству, почти так же состоятелен, как он сам.

Цель, ради которой мистер Паркер покинул проезжую дорогу – поиски лекаря по объявлению, – также была объяснена; она состояла отнюдь не в намерении растянуть лодыжку или нанести себе какое-либо другое увечье в честь этого лекаря и не в замысле сделаться его компаньоном (как склонен был сначала предполагать мистер Хейвуд); просто это было стремление завести в Сэндитоне врача, а прочитав в газете объявление, мистер Паркер решил, что его желания осуществятся в Уиллингдене. Он был убежден, что присутствие врача будет содействовать процветанию курорта, необыкновенному наплыву клиентов, а больше и желать нечего. У мистера Паркера были веские основания полагать, что в прошлом году по меньшей мере одно семейство раздумало ехать в Сэндитон именно по этой причине, – а может быть, таких семейств было значительно больше; к тому же его собственные больные сестры, которых он

страстно желал в это лето увидеть в Сэндитоне, вряд ли рискнут поехать туда, где нельзя безотлагательно прибегнуть к медицинской помощи.

В целом же было несомненно, что мистер Паркер – примерный семьянин, любящий жену, детей, братьев и сестер, и вообще человек добросердечный, великодушный, воспитанный, неприхотливый, с сангвиническим складом ума, в котором воображение преобладает над рассудительностью. Что касается миссис Паркер, то это была, несомненно, кроткая, милая, приятная женщина, обладавшая добрым нравом, словом – самая подходящая жена для человека с идеями, но неспособного порой к хладнокровным суждениям. Правда, помочь ему в этом она была не в состоянии и настолько нуждалась в руководстве по любому случаю – вкладывал ли мистер Паркер свой капитал в рискованное предприятие или подворачивал ногу, – что в подобных обстоятельствах оказывалась совершенно бесполезной.

Сэндитон был для мистера Паркера второй семьей, столь же близкой его сердцу, но, очевидно, более занимавшей его ум. В разговоре он постоянно возвращался к этой теме. И Сэндитон действительно имел на это все права: он был не только родиной, собственностью, домом, но еще и золотыми копями мистера Паркера, его лотереей, игрой на бирже, а также постоянным предметом для размышлений; его занятием, надеждой и будущностью. Мистеру Паркеру страстно хотелось залучить туда своих добрых друзей из Уиллингдена, и его старания на этот счет были столь же горячи, сколь великодушны и бескорыстны.

Он непременно хотел получить от них твердое обещание приехать и готов был принять у себя стольких членов их семьи, сколько способен был вместить его собственный дом. Он призывал их незамедлительно последовать за ним в Сэндитон и, хотя все они могли похвастать отменным здоровьем, предсказывал, что море пойдет на пользу каждому. Никто не может быть абсолютно здоров, уверял он, даже если кажется таковым, никто не может постоянно находиться в полном здравии, не проводя на море, по меньшей мере, шесть недель в году. Сочетание морского воздуха и морских купаний – средство почти безотказное, полезное при любом заболевании – желудка, легких или крови; незаменимое при слабых легких, ревматизме, для заживления ран, от спазм и разлития желчи. На море не простужаются, не страдают отсутствием аппетита, слабостью или подавленностью. Море лечит, успокаивает, придает сил и бодрости. Если не поможет морской воздух, дело поправят морские купания, а если купания противопоказаны, исцелит морской воздух, предназначенный к этому самой природой.

Красноречие мистера Паркера, однако, не возымело нужного действия. Мистер и миссис Хейвуд никогда не покидали дома. Они рано вступили в брак и обзавелись многочисленными детьми, поэтому их передвижения долгое время были весьма ограничены; хотя возраст их никак нельзя было назвать преклонным, они вели весьма размеренную жизнь. Если не считать двух ежегодных поездок в Лондон за дивидендами, мистер Хейвуд удалялся от дома не далее, чем его уносили собственные ноги или могла довезти верная старая кобыла, а все путешествия миссис Хейвуд сводились к тому, что время от времени она наносила визиты соседям, разъезжая в старой карете, приобретенной после свадьбы и заново обитой десять лет назад, когда их старший сын достиг совершеннолетия.

Хейвуды владели изрядной собственностью, и, будь их семья поменьше, они вполне могли бы внести в свою жизнь некоторые улучшения, соответствующие их положению в обществе: завести себе новый экипаж, замостить дороги, время от времени уезжать на месяц в Танбридж-Уэллс, нажить подагру и проводить зиму в Бате. Но обеспечение и обучение четырнадцати детей вынуждало их вести тихую, спокойную, осмотрительную жизнь и обязывало постоянно пребывать в полном здравии, не покидая Уиллингдена.

То, что сначала предписывалось благоразумием, с годами сделалось приятной привычкой. Хейвуды никогда не уезжали из дома и говорили об этом с удовольствием. Но они вовсе не требовали того же от своих детей и были рады по мере возможностей способствовать их выездам в мир. Они оставались дома сами, чтобы дети могли его покинуть. Стремясь сделать дом как можно удобнее и уютнее, они при этом приветствовали любую возможность, которая могла помочь их сыновьям и дочерям завязать полезные связи или приличествующие знакомства. И когда мистер и миссис Паркер перестали настаивать на семейном визите, предложив взять с собой одну из дочерей, никаких препятствий к этому не возникло. Тем дело и закончилось, ко всеобщему удовольствию и согласию.

Приглашение получила мисс Шарлотта Хейвуд, весьма приятная девица двадцати двух лет, старшая дочь в семье, которая оказалась особенно полезна Паркерам. Руководимая матерью, она больше, чем кто-либо другой, опекала их и ближе других успела с ними сойтись. В Сэндитоне Шарлотте предстояло купаться в море и по мере сил улучшать свое и без того превосходное здоровье, получать всевозможные удовольствия, которые мог ей предоставить Сэндитон благодаря признательности тех, к кому она ехала в гости, а также покупать в местной библиотеке[2 - Публичная библиотека – специфическая черта

общественной жизни Англии конца XVIII – начала XIX века. К этому времени их было около тысячи, особенно в курортных местах. В них не только выдавали книги – там можно было купить билеты в театр, на концерт, а также всевозможные безделушки.], которую мистер Паркер всячески поддерживал, зонтики, перчатки и разные украшения своим сестрам и себе.

От самого же мистера Хейвуда удалось лишь добиться обещания, что он станет рекомендовать Сэндитон каждому, кто спросит его совета, и ничто не заставит его – насколько можно поручиться за будущее – потратить хоть пять шиллингов на Бриншор.

ГЛАВА 3

В каждом маленьком городке есть своя знатная дама. В Сэндитоне такой знатной дамой была леди Денем, и по дороге из Уиллингдена к побережью мистер Паркер чрезвычайно подробно рассказывал о ней Шарлотте – подробнее, чем когда-либо. Имя леди Денем часто упоминалось в Уиллингдене, так как они с мистером Паркером были компаньонами, да и о самом Сэндитоне вряд ли можно было долго рассказывать, не вспомнив о леди Денем. Поэтому Шарлотта уже знала, что она очень богатая пожилая дама, пережившая двух мужей и знающая цену деньгам, что к ней относятся с почтением и что у нее живет бедная родственница. Более подробное повествование о ее жизни и характере скрасило тяготы долгого пути, крутые подъемы и резкие повороты дороги и в то же время предоставило молодой леди, едущей в гости, надлежащие сведения о той, с кем ей, возможно, предстояло теперь общаться ежедневно.

Леди Денем, в девичестве мисс Бриртон, могла похвастать богатством, но не образованием. Ее первым мужем был мистер Холлис, крупный землевладелец, большая часть земель которого входила в сэндитонский приход, включая имение и усадьбу. Ко времени заключения брака он был уже в преклонных летах, да и невесте было тогда около тридцати. Причины, побудившие ее выйти замуж за мистера Холлиса, теперь, спустя сорок лет, понять было трудно, но она прекрасно ухаживала за ним, умела ему угодить, и, умирая, он оставил ей все, чем владел, вся его собственность целиком перешла в ее распоряжение.

После нескольких лет вдовства она вступила в новый брак. Сэру Гарри Денему из Денем-парка в окрестностях Сэндитона удалось заполучить не только жену, но и ее солидные доходы, но он не сумел осуществить намерения, которое ему приписывали, – употребить это богатство во благо своей семье. Леди Денем была слишком осмотрительна, чтобы выпустить что-либо из рук, и, говорят, вернувшись после кончины сэра Гарри в свой собственный дом в Сэндитоне, с гордостью сказала одному из друзей, что хотя и не получила от этой семьи ничего, кроме титула, но и сама ничего ей не дала.

Полагают, что именно ради титула она и вышла замуж, – для мистера Паркера ценность титула была настолько очевидной, что он считал такое объяснение вполне естественным. «Иногда, – говорил он, – она очень уж важничает, правда, не имея в виду кого-нибудь оскорбить, иногда ее любовь к деньгам заходит слишком далеко. Но вообще она добрая женщина, чрезвычайно любезная и доброжелательная соседка, жизнерадостная и независимая, – словом, вполне достойная особа; недостатки же ее полностью объясняются отсутствием образования. От природы ей присущ здравый смысл, который, к сожалению, не получил должного развития. У леди Денем прекрасный деятельный ум, и для своих семидесяти лет она очень бодра; она взялась за переустройство Сэндитона с поистине удивительной энергией, хотя время от времени ее мелочность сказывается и здесь. В отличие от меня она не умеет предвидеть и поднимает тревогу из-за пустяковых текущих трат, не понимая, какой выгодой это обернется для нее через год-другой. То есть мыслим мы по-разному, а потому и смотрим на вещи по-разному. Но не торопитесь с выводом, мисс Хейвуд, слушая тех, кто рассказывает о себе. Когда вы увидите, каковы наши отношения, то сможете судить сами».

Леди Денем была и впрямь настоящей гранд-дамой: ее годовой доход составлял не одну тысячу фунтов, и ее расположения добивались как ее родственники, которые совершенно обоснованно хотели поделить между собой ее собственные тридцать тысяч, так и законные наследники мистера Холлиса, которым теперь приходилось полагаться на ее чувство справедливости, поскольку сам он справедлив к ним не был, а также те члены семейства Денем, ради которых ее второй муж задумал этот брак как выгодную сделку.

Все эти три клана с давних пор осаждали ее, продолжают делать это и сейчас. Мистер Паркер без обиняков заявил, что леди Денем отдает родне мистера Холлиса меньшее предпочтение, а родственникам сэра Гарри Денема – большее. Первые, как он полагает, сами нанесли себе непоправимый вред, выказав весьма

неумное и неоправданное негодование завещанием мистера Холлиса; последние же, во-первых, напоминали о том муже, которого леди Денем, безусловно, ценила, во-вторых, обладали тем преимуществом, что она знала их еще детьми, наконец, они всегда держались поблизости, чтобы с вполне понятным вниманием блюсти свои интересы.

Сэр Эдвард, теперешний баронет, племянник сэра Гарри, постоянно проживает в Денем-парке, и мистер Паркер почти не сомневается, что он и его сестра мисс Денем, живущая вместе с ним, будут упомянуты в завещании в первую очередь. Он искренне на это надеется. Ведь у мисс Денем совсем небольшое состояние, а ее брат для своего положения в обществе просто беден. «Он расположен к Сэндитону, – сказал мистер Паркер, – и его рука была бы так же щедра, как его сердце, если бы он располагал средствами. Как благородна была бы его помощь! Да и сейчас он делает, что может, – возводит на полоске пустоши, подаренной ему леди Денем, изысканный коттедж, на который, вне всякого сомнения, еще до конца сезона появится множество претендентов».

Год назад мистер Паркер был убежден, что сэр Эдвард унаследует большую часть из того, что должна оставить леди Денем; теперь же следует принять в расчет права еще одной персоны, молоденькой родственницы, которую леди Денем взяла в свою семью. Долгое время она отвергала любые попытки родственников ввести ту или другую молодую леди в Сэндитон-хаус в качестве компаньонки, но в прошлый Михайлов день привезла с собой из Лондона некую мисс Бриртон, которая благодаря своим достоинствам может оспаривать благосклонность леди Денем у сэра Эдварда и обеспечить себе и своему семейству часть внушительного состояния, на которое они, безусловно, имеют все права.

Мистер Паркер тепло отзывался о Кларе Бриртон, с появлением нового лица его повествование сделалось для Шарлотты гораздо занимательнее. Она не только с любопытством, но с волнением и удовольствием слушала, как он описывал Клару: привлекательную, дружелюбную, кроткую, скромную, неизменно руководствующуюся здравым смыслом и, несомненно благодаря врожденным достоинствам, завоевавшую расположение своей покровительницы. Красота, обаяние – и в то же время бедность, зависимость, – воображению мужчины это мало что говорит. Но почти всякая женщина немедленно проникается сочувствием и жалостью.

Мистер Паркер рассказывал о появлении Клары в Сэндитоне подробно, желая как можно лучше раскрыть сложный характер леди Денем: сочетание мелочности с добросердечием, здравым смыслом и даже великодушием. Леди Денем долгое время избегала посещать Лондон, главным образом из-за родни, которая беспрестанно досаждала ей своими письмами и приглашениями и которую она решила держать на расстоянии. И вот на прошлый Михайлов день ей все же пришлось отправиться туда и задержаться в городе на две недели, а то и больше. Леди Денем остановилась в гостинице, живя, по ее собственным словам, так скромно, как только возможно при тамошней дороговизне. К концу третьего дня, желая знать, каковы ее расходы, она спросила счет, и траты показались ей огромными. Сочтя, что ее нагло обсчитывают, она решила, что не пробудет там и часа, и стала в гневе и смятении готовиться покинуть гостиницу, при этом не представляя, куда отправится, чтобы снова не очутиться в таком же положении. Тут, откуда ни возьмись, явились ее ловкие и пронырливые родственники, которые, очевидно, не спускали с нее глаз, и, прознав про ее обстоятельства, тут же убедили ее провести оставшееся время под их скромным кровом, в самой непритязательной части Лондона.

Леди Денем дала согласие и осталась довольна оказанным ей гостеприимством, всеобщим радушием и вниманием. Она обнаружила, что, вопреки ожиданию, ее добрые родственники Бриртоны вполне достойные люди. В довершение ко всему, самолично убедившись в их финансовых затруднениях и в мизерности их доходов, она пригласила одну из девиц Бриртон провести у нее зиму. Пригласила только одну, на полгода, с тем что потом, возможно, ее место займет другая, причем, совершая свой выбор, леди Денем показала себя с лучшей стороны, отдав предпочтение не одной из дочерей семейства, а племяннице Кларе, разумеется более беззащитной и обездоленной, чем кто-либо другой. Клара явно была обузой для и без того обремененной семьи и с точки зрения положения в обществе стояла так низко, что в будущем едва ли могла рассчитывать на что-либо более заманчивое, чем место няньки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/dzheyn-ostin/senditon/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

В стихотворении «Истина» (1782) У. Каупер восхваляет благочестие бедной селянки, которая, хоть о ней и «не слыхивал никто от дома в полумиле», владеет истиной, открывшейся ей через чтение Библии, – в отличие от «блистательного француза», имя которого будет «восславлено в грядущих веках».

2

Публичная библиотека – специфическая черта общественной жизни Англии конца XVIII – начала XIX века. К этому времени их было около тысячи, особенно в курортных местах. В них не только выдавали книги – там можно было купить билеты в театр, на концерт, а также всевозможные безделушки.

Купить: https://tellnovel.com/dzheyn-osten/senditon-kupit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити